

ELENA OSMININA

ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАНСКУЮ ЦЕРКОВЬ XX ВЕКА В ИЗОБРАЖЕНИИ ВАСИЛИЯ АКИМОВИЧА НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Василий Акимович Никифоров-Волгин (1901-1941) – самый крупный прозаик русской Эстонии первой половины XX века, представитель младшего поколения писателей Русского Зарубежья. Он считается продолжателем традиций старших реалистов, в частности И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, в их христианской тематике. Представляя русскую литературу в Прибалтике, известный американский литературовед Темира Пахмусс назвала Никифорова-Волгина «современным Лесковым» и заметила: «Его короткие рассказы правдивы и особенно трагичны (...). Образы, использованные в рассказах, гармонируют с религиозными темами» (Pachmuss 232).

Среди религиозных тем писателя можно выделить три: 1) гонения на Церковь XX века; 2) годовой круг православного церковного богослужения и христианские таинства; 3) духовная жизнь христианина: покаяние и милосердие. Существуют и другие типологии, в связи с тематикой писателя, системой персонажей (у С.С. Бойко, Т.В. Бервененко и Ю.Н. Золотых, А.С. Конюховой); первая и третья тема иногда объединяются.

В настоящей статье речь пойдет о первой теме, которая кажется наиболее важной у Никифорова-Волгина по ее значимости, оригинальности и художественной силе. Исследователи единодушны в том, что Никифоров-Волгин одним из первых стал писать о гонениях на Церковь в XX в. Тему продол-

---

ЕЛЕНА АНАТАЛЬЕВНА ОСЬМИНИНА, доктор филологических наук ФГБОУ ВО – Московский государственный лингвистический университет; e-mail: eleosminina@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4990-7220>.

ELENA ANATALYEVNA OSMININA, Doctor in philology FGBOU WO, Moscow State Linguistic University; e-mail: eleosminina@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4990-7220>.

ELENA ANATALYEVNA OSMININA, doktor filologii FGBOU WO, Moskiewski Państwowy Uniwersytet Lingwistyki; e-mail: eleosminina@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4990-7220>.

жила эмиграция второй половины XX века, в XXI в. она пришла в Россию (Войко 259).

Но Никифоров-Волгин оригинален не только в тематике. Своеобразно и ее раскрытие: соединение документальной основы и художественности изображения. Для определения этой документальной основы были изучены труды историков церкви, предпринят фронтальный просмотр прибалтийских газет первой половины XX в. (полной библиографии писателя еще нет, хотя материалы к ней собирались С.Г. Исаковым, А.Н. Стрижевым, О.С. Фигурновой). Реконструируя творческую историю произведений Никифорова-Волгина, сравнивая их варианты, увидим и изменение, совершенствование стиля писателя.

В самой теме гонений на Церковь у Никифорова-Волгина можно выделить два аспекта: мученичество и исповедничество священнослужителей и уничтожение церковных ценностей. Обе они отразились в наиболее значительном произведении писателя, повести *Дорожный посох* (1938), документальную основу и творческую историю которой мы попытаемся воссоздать.

Главный герой повести - священник отец Афанасий, действие происходит в России в дореволюционные годы, в период революции и гражданской войны, в 1920-ые гг. Этим периодам соответствуют три части *Дорожного посоха*, каждая из которых состоит из небольших фрагментов записок самого священника. В одном из путевых очерков цикла *Вверх по реке Нарове* (1935) Никифоров-Волгин упомянул протоиерея Аркадия Лебедева из села Ямы, который в течение 12 лет пишет «летопись» (Nikiforov-Volgin, *Vverkh po reke Narove* 2). Возможно, эта «летопись» и навела писателя на мысль использовать такую же форму для повествования в *Дорожном посохе*.

Тема мученичества и исповедничества с наибольшей силой раскрыта во второй части повести. Отца Афанасия избивают в родной деревне; в речном городе, где он освоил сапожное ремесло (никогда не оставляя тайного служения), его арестовывают, на пять месяцев сажают в темницу с уголовными преступниками, затем переводят в подвал губернской тюрьмы, где уже находятся другие священнослужители: архиепископ Платон, ксендз Станислав Лабунский, пастор Келлер, игумен Амвросий, отец Михаил Аскольдов. Священников заставляют рыть могилы для расстрелянных, отчего пастор Келлер сходит с ума и умирает; завершается часть расстрелом архиепископа Платона, ксендза и отца Михаила; остальных расстрелять не успевают, белые входят в город.

Документальная основа этой части - гонения на церковь в Эстонии во время второго прихода Советской власти (ноябрь 1918 - январь 1919 гг.).

10 декабря 1918 г. Совет Эстляндской Трудовой коммуны издал декрет о высылке из страны всего духовенства, 12 декабря вышло постановление, запрещавшее совершать богослужения. 30 декабря Управление внутренних дел передало все культовые здания в распоряжение местных исполнительных комитетов. На основании этих постановлений все нарвское духовенство было арестовано, священникам выдано предписание покинуть страну в течение 24-х часов (Kumysh 84).

8 января 1919 г. в Нарве были расстреляны два священника: сщмч. Александр Волков из Успенской Ивангородской церкви, сщмч. Дмитрий Чистосердов из Знаменского Ивангородского храма. Их вывели за пределы города; подробности трагедии неизвестны (Kumysh 83-88). Об этом расстреле Никифоров-Волгин, сам служивший псаломщиком в кафедральном Спасо-Преображенском соборе Нарвы, пишет в статье *Мученики за веру* (Volgin, *Mucheniki za veru* 1).

14 января 1919 г. в г. Юрьеве после тринадцатидневного тюремного заключения в здании Кредитного общества (Дворянского кредитного банка) был расстрелян сщмч. Платон, епископ Ревельский, викарий Рижской епархии. Вместе с ним юрьевское духовенство: сщмч. прот. Михаил Блейве, настоятель Успенского собора, сщмч. прот. Николай Бежаницкий, настоятель Георгиевской церкви; а также протестантские священники: проф. Юрьевского богословского факультета пастор Ган, пастор Шварц (Л.Н. 6-12). Имя епископа Платона сохранено в *Дорожном посохе*. В повести священники сидят в подвале губернской тюрьмы; в реальности в подвале происходил расстрел.

Прототипом пастора Келлера, возможно, стал отец Владимир Бежаницкий, священник Нарвской Кренгольмской Воскресенской церкви. Власти оставили его в Нарве, но заставили рыть ямы для расстрелянных: «Бедный пастырь, не выдержав такого испытания, впоследствии лишился рассудка» (Kumysh 84).

В 1929 г., в десятилетие юрьевского расстрела, в «Вестнике РСХД» была опубликована большая статья Л.Н. *Мученики*, с описанием последних лет служения Владыки Платона, его пребывания в тюрьме (со слов очевидца, оставшегося в живых). Именно в 1929 г. Никифоров-Волгин писал о деятельности РСХД в Прибалтике; то, что он читал «Вестник», ясно из протоколов его допросов в 1941 г. (Войков 43-44).

Возможным поводом для написания повести могло послужить известие об убийстве сщмч. Иоанна (Поммера), архиепископа Рижского и Латвийского в октябре 1934 г. В том же 1934 г. в берлинском журнале «За цер-

ковь!» была опубликована большая статья о епископе Платоне Н. Дробышевского.

Не только страдания отца Афанасия, тюремное заключение и расстрел духовенства можно соотнести с темой мученичества и исповедничества. Оказавшись в темнице, главный герой вспоминает: «В Астрахани архиепископа Митрофана и его викария епископа Леонтия живьем закопали в землю; в Свяжске епископа Амвросия привязали к хвосту бешеной лошади; в Белграде-Курском епископа Никодима убивали железными прутьями, тело же его бросили в сорную яму; архиепископа Пермского Андроника ослепили, выколол глаза, отрезали щеки и в таком виде волочили его по городским улицам, а потом живьем закопали в землю» (Nikiforov-Volgin, *Dorozhnyu posokh* 157-158). В третьей части повести, путешествуя по волжской земле, герой узнает о замученном священнике, которого жгли на костре, сунули в горло горящую головню.

Это подлинные имена и факты. Здесь перечислены: свмч. Митрофан, архиепископ Астраханский (1869-1919); свмч. Леонтий, епископ Енотаевский (1872-1919); свмч. Амвросий, епископ Сарапульский, Свяжский и Казанский (1867-1918); свмч. Никодим, епископ Белгородский (1871-1919); свмч. Андроник, епископ Пермский и Соликамский (1870-1918).

Образы священников-страдальцев за веру можно найти не только в *Дорожном посохе*, но и в рассказах Никифорова-Волгина, с первого года их появления в нарвских газетах (1923). При сравнении ранних и поздних произведений видно, как меняется ракурс темы, стиль и манера Никифорова-Волгина.

Изначально писатель изображал судьбы русских беженцев на чужбине, и священнослужителей среди них. В рассказе *Жизнь в грезах* (1923) бывший губернатор беседует с отцом Власием, который вспоминает, как его били, сорвали с груди крест, посадили в темницу, над женой надругались, в алтарь с папирсой входили.

В рассказе *В потемках* (1923) изображен разговор дьякона о. Никона Сановитова, священника о. Григория Кондакова и «бывшего богача» Алтынова. Дьякон вспоминает родную землю, благолепие церковных служб, а священник цитирует Достоевского и говорит о смерти своего маленького сына Витеньки, убитого на улице во время пальбы по городу. В позднем рассказе *Чаша* (1937) также описан скорбящий священник, отец Виталий, у которого убили маленького сына. Но это мученическая смерть. В церкви, куда ворвались пьяные солдаты, плевали, сквернословили, ребенок вырвал Чашу Господню из их рук, за что был убит прикладом по голове. Рассказ

отца Виталия гораздо проще по сравнению с историей о Григория. Завершается он как будто паузой: молчанием отца Виталия, и указанием на действие: герои идут служить панихиду по мальчику.

В рассказе *Ветер* (1931) изображен священник отец Андрей, потерявший жену и взрослых детей: сына расстреляли, дочь умерла от тифа.

Мученическая кончина самого священника, арест и расстрел отца Ивана Воздвиженского, впервые описана в рассказе *Под небом* (1923). Начало *Под небом* характерно для раннего Никифорова-Волгина: контраст сна священника (великолепие архиерейской службы) и пробуждения от звонка в дверь; воспоминание о недавнем расстреле дьякона Громогласова и священника Ливанова; глумление красноармейцев над фотокарточкой покойной жены священника... В позднем варианте этого рассказа, под названием *Чаша страданий* (1928), начало короче, концовка изменена; заметно, как упрощается стиль Никифорова-Волгина. Рассказ *Под небом* завершается словами отца Ивана: «глядите, крест сотканный из жемчужных слез... Как он светит... Господи! Крест... Крест... Символ страданий! и пал отец Иван на грязную осеннюю землю и поклонился кресту» (Volgin, *Pod nebom* 3). Рассказ *Чаша страданий* кончается и проще, и трагичнее. Священник вслух смеется своим мыслям, что он не успеет простудиться, хотя и наступил босой ногой в холодную лужу: «Красноармейцы переглянулись и зашептали между собой: Поп-то, того, в разуме тронулся!» (Nikiforov-Volgin, *Chasha stradanii* 2).

В рассказе *Архиерей* (1925, 1935) говорится об убийстве безымянного священника в селе Лыково, о мученической смерти отца Григория Никольского, которому выстрелили в рот во время Литургии, со словами «мы тебя причащаем». Здесь сохранено имя священномученика. В уже упомянутой статье *Мученики за веру*, со ссылкой на польское *Воскресное чтение* (официальный орган первоиерарха Православной Церкви в Польше и Варшавской митрополии), Никифоров-Волгин пишет о смерти священника Григория Никольского (1854-1918) монастыря Марии Магдалины (имеется в виду Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь Кубанской губернии), которого убили после Литургии выстрелом в рот со словами: «Мы тебя приобщим» (Volgin, *Mucheniki za veru* 1). В раннем варианте рассказа *Ветер* (1931) упомянут отец Вениамин, которого расстреляли во время Литургии с теми же словами (Nikiforov-Volgin, *Veter* 3).

Не только мученичество, но и исповедничество священнослужителей изображает Никифоров-Волгин. Главный герой *Дорожного посоха*, отец Афанасий, остается в живых. В третьей части повести описано, как он ста-

новится странником, идет из деревни в деревню с дорожным посохом и с двумя сумами: в одной запасные дары, Евангелие, деревянная чаша, служебник и требник, в другой сапожный инструмент; на груди антиминс в особой ладанке. Упоминает отец Афанасий и других пастырей-странников, которых встречал на «звериных тропах обширного российского прихода. Среди них были даже и епископы, принявшие на себя иго апостольского странничества...» (Nikiforov-Volgin, *Dorozhnyu posokh* 177).

Образ странствующего священника/епископа также имеет документальную основу. Когда немецкое командование (пришедшее к власти в Эстонии в 1918 г., между двумя периодами Советов) запретило свмц. Платону пользоваться железной дорогой, он пешком обошел 72 прихода, «всюду совершая богослужения и оказывая моральную и духовную поддержку священству и народу» (Kumysh 107). Сцмч. прот. Михаил Блейве, настоятель Успенского собора в Юрьеве (Тарту) и благочинный Юрьевского округа, также обходил свои приходы пешком.

Странствовали епископы по Эстонии и позднее. Архиепископ Евсей рассказывал Никифорову-Волгину в 1927 году о своем путешествии по Принаровью и Причудью: «От прихода к приходу пришлось поздно вечером пробираться на простых рыбацьи лодках, нагруженных мешками муки, причем лодку тянут лошади, идущие по берегу. Сидим на мешках, дрогнем от ночного холода и со страхом следим, как бы тяжело нагруженная лодка не опрокинулась» (Nikiforov-Volgin, «Polozhenie russkoi eparkhii v Estonii» 2).

Образ странствующего епископа возникает в творчестве Никифорова-Волгина рано, в рассказе *Епископ Палладий* (1923, 1925), затем переработанном в рассказ *Архиерей* (1925, 1935). Имя главного героя сохранено в *Архиерее*, так звали петербургского митрополита, еще до революции назначившего молодого священника Павла Кульбуша, будущего свмч. Платона, служить в его первый приход.

И в *Епископе Паллади*, и в *Архиерее* Владыка умирает своей смертью в заброшенном монастыре. В первом рассказе перед смертью он делится с келейником мечтой «в странническом виде с посохом и сумой страннической обойти всю землю русскую...» (Volgin, *Episkop Palladiy* 3). Во втором уже сам отправляется обходить свои приходы. Во время путешествия епископ встречает старика-священника, странствующего с котомкой, в которой находятся: «антиминс, чаша деревянная, епитрахиль да служебные книги» (Grad Kitez 8). Это прообраз отца Афанасия из *Дорожного посоха*, как и отец Сергей из первого варианта рассказа *Ветер* (1931). Церковь отца Сергея превратили в народный дом, сам он стал сапожником

и тайно в лесу служит Всенощное бдение. Служба безыменного священника в лесу вечером Великого Четверга описана и в рассказе *Чтение 12 Евангелий в лесу* (1933; *Двенадцать Евангелий в лесу*, 1934)

Другой аспект, в котором раскрывается тема гонений на Церковь, – уничтожение церковных ценностей: разрушение монастырей и храмов, кощунства и уничтожение мощей и икон.

Вторая часть *Дорожного посоха* начинается с описания разрушений: сначала в деревне, где служит отец Афанасий, сброшен колокол, подожжена часовня, разрублена и сожжена икона Владычицы; затем сожжен сам храм. В маленьком речном городке, куда перебирается священник, из собора выносят иконы и бросают на мостовую, церковь превращают в кинематограф. В третьей части повести герой узнает о кощуннике-священнике Павле Вознесенском, который причастил народ самогоном. Во время своих странствий отец Афанасий видит разрушения: «Я проходил мимо оскверненных храмов, сожженных часовен, монастырей, превращенных в казармы и торговые склады, был свидетелем надругательств над мощами и чудотворными иконами (...)» (Nikiforov-Volgin, *Dorozhnyu posokh* 176).

Никифоров-Волгин читал в эмигрантской печати об изъятии церковных ценностей в России, знал о том, что творилось в Эстонии в 1917-1918, 1918-1919 гг. Не случайно некоторые детали повторяются из рассказа в рассказ: документальная основа их очевидна. Иеромонах Нестор (Кумыш) пишет, что еще в 1917 г. в Эстонии «под влиянием демократических настроений» духовенство «отстранялось от управления приходами и братствами» (Kumysh 83); приводит выписки из протокола совещания духовенства епархии от 3 марта 1918 года о разграблении военной церкви в г. Юрьеве, захватах причтовых земель, снятии колоколов; цитирует протест сщмч. Платона, отправленный генералу 8 немецкой армии, где говорится о переделке в кирпичи двух православных соборов, преследованиях, высылках и арестах священников, гонении на крест... (Kumysh 105).

Тяжелое положение Псковского Успенского монастыря в 1917-1920 гг., постепенное оскудение Пюхтинского Успенского монастыря также было хорошо известно Никифорову-Волгину, последней обители он посвятил ряд статей и очерков.

Тема уничтожения церковных ценностей (как и мученичества за веру) также изначально возникает еще в ранних произведениях писателя как основная или как тема второго плана. Перечислим рассказы, где она является основной.

Рассказ *Епископ Палладий* (1925) начинается с описания разоренного монастыря, в котором остался только архиерей со своим келейником; братия «разбежалась кто куда». Молодежь танцует у часовни под атеистическую частушку (такие частушки цитируются в нескольких произведениях). Келейник рассказывает Владыке, что отец Никодим стал живоцерковником, протодьякон Сикеров определился в совнархоз, затем приходит священник-циник отец Поликарп Скорбященский и просит у епископа священные сосуды (у него самого их изъяла власть), предлагая Владыке служить с деревянными. В рассказе *Архиерей* (1925, 1935) епископ, посещая приходы, узнает о новых кощунствах: церквях, превращенных в народный дом в селе Отрадном и кооператив в селе Лыково, запечатанной церкви в селе Орехово, сожженной в селе Преображенском. Он служит в амбаре, превращенном в церковь; на развалинах, где молящиеся стоят на коленях на снегу.

В рассказе *Под колоколами* (1926) герой-повествователь беседует со звонарем Осипом на колокольне монастыря. Сам повествователь вспоминает, как с Борисо-Глебского собора этого монастыря сняли кресты, покрасили иконы и превратили собор в «Народный дом товарища Ленина», а звонарь рассказывает о происходящем окрест монастыря: Покровскую церковь закрыли, озорники бросили камень в образ Спаса Нерукотворного; будучи в городе, он нашел в нужнике листы из Евангелия, перемыл их в реке и пустил в воду: «Пускай, думаю, плывут слова Божьи от человеческого поругания...» (Nikiforov-Volgin, *Dorozhnyy posokh* 92).

В рассказе *Алтарь затворенный* (1927) герой-повествователь беседует со звонарем Антонием, единственным оставшимся из братии, в монастырском скиту сибирского леса. Звонарь рассказывает, что расстреляны были схимник Феоктист, иеромонах Григорий, иеромонах Македоний, иеродьякон Сергей, послушник Вениамин. В позднем варианте рассказа убийцы не обозначены, в раннем они названы большевиками, добавлено: «в шапках в алтарь входили... Часовню сожгли» (Nikiforov-Volgin, *Altar' zatvorennuyu* 1014).

В рассказе *Оскудение* (1928) герой-повествователь едет вместе с монахиней в обитель, по дороге видите оскверненную икону Богородицы с гвоздями, вбитыми в глаза; монахиня рассказывает об осквернении святого источника, о целившихся камнями в кресты собора... Из сравнения рассказа с очерком *В Пюхтицком Успенском монастыре* (1927), подписанном инициалами «А.В.», понятно, что изображена именно эта обитель: повторяется пейзаж, действующие лица (рассказчик, едущий в монастырь, и монахиня, в очерке М., в рассказе Макария), настроение (А.В. 1).

В рассказе *Ветер* (1931) говорится о селе Святые Ручьи, где в церкви снят крест, она превращена в народный дом; отец Петр предложил молодежи занять одну из двух церквей под клуб. В городе Покровская церковь превращена в чайную, монастырь Скорбящей Богоматери в казармы. Дьякон открыл ларек и торгует квасом, отец Спиридон снял сан и служит конторщиком на бумажной фабрике. В раннем варианте рассказа добавлено: молодежь на кладбище упражнялась в стрельбе по крестам, в одном клубе икона Божьей Матери превращена в шахматную доску. (Nikiforov-Volgin, *Veter* 3)

В рассказе *Чтение 12 Евангелий в лесу* (1933) герой-рассказчик вспоминает разграбленный, разоренный монастырь на Волге, превращенную в кооператив маленькую церковь (Nikiforov-Volgin, *Чтение 12 Yevangeliy v lesu* 2).

Рассказ *Древняя книга* (1937) один из самых трагичных у позднего Никифорова-Волгина. Людей, действующих лиц здесь нет. Описана старинная Библия семьи Рукавишниковых, бывшее («когда живы были старики») и нынешнее отношение к ней; приводятся надписи, которые представители разных поколений оставляли на заглавном листе. Постепенно меняется их содержание, стиль и даже почерк. Вся история России: постепенное оскудение веры, приближение катастрофы, затем проявления воинствующего атеизма и бездушия, предстает через эти записи. Глубокая скорбь выражена здесь максимально кратко, что характерно для лучших поздних рассказов Никифорова-Волгина.

В позднем рассказе *Свеча* (1938) дед Софрон приходит Пасхальной ночью к сожженной церкви и показывает внуку, где была икона святителя Николая, где стоял алтарь. При сравнении *Свечи* с ее ранним вариантом, этюдом *В березовом лесу* (1926), видно, что из *Свечи* убрано пророчество деда, белый стих о гибели Святой Руси (такое пророчество присутствует в нескольких ранних рассказах писателя). Описания весенней природы сокращены, в речи деда почти нет церковнославянизмов. Ранний этюд завершается фразой: «Глядел дед Софрон на звезды и плакал...» (Nikiforov-Volgin, *Zautrenya svyatiteley* 96); поздний паузой: «Ничего больше Софрон не сказал. Он сидел до того долго, что Петьке захотелось спать. Он сел с дедом рядышком и опустил голову на его колени, а дед прикрыл его полою тулупа» (Nikiforov-Volgin, *Dorozhnyu posokh* 263).

Повествование упрощается, возрастает роль паузы, описание заменено показом конкретного действия. Как указывает А.С. Конюхова, писатель оставляет сюжет, но меняет детали; вслед за этим изменяется и самый смысл произведения (Konjukhova).

И наконец, рассказ *Коллекция мистера Райта* (1939), где описано, как богатый американец показывает гостям свою коллекцию церковных ценностей: резной иконостас, Св. Сосуды и церковную утварь, священнические облачения, антиминс, медальон с частицей креста, на котором был распят Иисус Христос. В лампаду от гробницы преп. Сергия Радонежского вставлена электрическая лампочка (Nikiforov-Volgin, *Kolleksiya mistera Rayta* 4). О происхождении этой коллекции, путях, какими она попала к американцу, не говорится ничего: поздний Никифоров-Волгин лаконичен.

Как сопутствующая, тема гонений на христианскую церковь появляется в рассказах, посвященных покаянию и прощению грешников. Это рассказы *Совесть* (1923), *Голубая кровь* (1923), *Убийство* (1923), *Град Китеж* (1924), *Земной поклон* (1927), *Безбожник* (1928), *Вериги* (1929), *Страшная исповедь* (1936, вариант *Гробница*, 1938; документальная основа рассказа изложена в очерке цикла *Вверх по реке Нарове*, 1935), *Солнце играет* (1938). Стиль этих рассказов постепенно меняется, от высокого (напоминающего стиль белых газет Гражданской войны) до простого и лаконичного.

Таким образом, раскрывая тему гонений на церковь, Никифоров-Волгин основывается на документальных источниках: материалах эмигрантских газет, рассказах очевидцев, собственных наблюдениях. Содержание произведений постепенно меняет их форму: уходит высокий стиль (в нескольких ранних материалах присутствовал даже белый стих), подробные описания; чувства, восклицания героев заменяются скупым изображением действия или паузой... Сокращено количество цитат из Священного писания, отрывков из церковных служб; они гармонично вплетаются в речь священников или в описание богослужения.

Это изменение стиля отметил еще С.Г. Исаков, первый биограф и популяризатор творчества Никифорова-Волгина: «(...) стиль писателя менялся: от цветистого и несколько изукрашенного в раннем творчестве к очень простому, почти лишенному стилистических “украшений”» (Nikiforov-Volgin, *Dorozhnyu posokh* 338). Эту «простоту и ясность» А.М. Любомудров считает «преимуществами прозы Никифорова-Волгина» (Lyubomudrov 102).

Представляется, что Никифоров-Волгин по самому творческому акту летописец, «свидетель истории», «хроникер» в лучшем смысле этого слова. Его рассказы – ценнейшее художественное свидетельство о гонениях на христианство в XX веке: мученичестве и исповедничестве священников, уничтожении церковных ценностей. Простота и безыскусственность этих свидетельств придают им еще большую силу и достоверность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- A.V. «V Ryukhtitskom Uspenskom monastyre». *Vesti dnya*, 28.11.1927, s. 1. [А.В. «В Пюхтицком Успенском монастыре.» *Вести дня*, 28.11. 1927, с. 1]. dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=vestidnja19271128. Доступ 24.09.2021.
- Boyko, Svetlana Sergeevna. Vasiliy Nikiforov-Volgin russkiy pisatel' iz estonskoy Narvy. *Vo-prosy literatury*, no 2, 2017, ss. 246-261. [Бойко, Светлана Сергеевна. «Василий Никифоров-Волгин русский писатель из эстонской Нарвы.» *Вопросы литературы*, № 2, 2017, сс. 246-261].
- Boykov, Viktor Alekseyevich. Martirolog. «Perechen' deyateley russkoy kul'tury v Estonii, pod-vergshikhhsya repressiyam posle ustanovleniya Sovetskoy vlasti». *Baltiyskiy arkhiv*. Red. I.E. Belobrovtsava. Avenarius, 1997, vol. 2, ss. 5-56. [Бойков, Виктор Алексеевич. Мартиролог. «Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления Советской власти». *Балтийский архив*. Ред. И.Э. Белобровцева. Авенариус, 1997, т. 2, сс. 5-56].
- Grad Kitezh, Arkhiyerey. *Illustrirovannaya Rossiya*, no. 12. 1935, ss. 6-8. [Град Китеж, Архиерей. *Иллюстрированная Россия*, № 12, 1935, сс. 6-8].
- Konyukhova, Anastasiya Sergeevna. «Etyud i rasskaz v tvorchestve V.A. Nikiforova-Volgina.» *S. Teologiya: istoriya, problemy, perspektivy, materialy V Vserossiyskoy teologicheskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2016, ss. 100-105. [Конюхова, Анастасия Сергеевна. «Этюд и рассказ в творчестве В.А. Никифорова-Волгина.» *С. Теология: история, проблемы, перспективы*, материалы V Всероссийской теологической студенческой научно-практической конференции, 2016, сс. 100-105].
- Kumysh, Iyuерomonakh Nestor. «Novomucheniki Sankt-Peterburgskoy ueparkhii.» *Satis*", 2003. [Кумыш, Иеромонах Нестор. «Новомученики Санкт-Петербургской епархии.» *Сатис*", 2003].
- L.N. «Mucheniki.» *Vestnik. Organ R.S.KH. dvizheniya*, no. 5, 1929, ss. 6-12. [Л.Н. «Мученики.» *Вестник. Орган Р.С.Х. движения*, № 5, 1929, сс. 6-12].
- Lyubomudrov, Aleksey Markovich. «Prosvetlennost' i nadezhda: khudozhestvennyy mir V.A. Nikiforova-Volgina.» *Russkaya slovesnost'*, no. 2, 2021, ss. 101-106. [Любомудров, Алексей Маркович. «Просветленность и надежда: художественный мир В.А. Никифорова-Волгина.» *Русская словесность*, № 2, 2021, сс. 101-106].
- Nikiforov-Volgin, Vasiliy. «Altar' zatvorennuyu». *Perezvony*, no. 32, 1927, ss. 1014-1015. [Никифоров-Волгин, Василий. «Алтарь затворенный». *Пезезвоньы*, № 32, 1927, сс. 1014-1015].
- Nikiforov-Volgin, Vasiliy. «Chasha stradaniy». *Narvskiy listok*, 03.03.1928, s. 2. [Никифоров-Волгин, Василий. «Чаша страданий». *Нарвский листок*, 03.03.1928, с. 2], dspace.ut.ee/handle/10062/51822. Доступ 24.09.2021.
- Nikiforov-Volgin, Vasiliy. «Chteniye 12 Yevangeliy v lesu». *Vesti dnya*, 13.04 1933, s. 2. [Никифоров-Волгин, Василий. «Чтение 12 Евангелий в лесу». *Вести дня*, 13.04 1933, с. 2], dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=vestidnja19330413. Доступ 24.09. 2021.
- Nikiforov-Volgin, Vasiliy. «Kollektsiya mistera Rayta.» *Segodnya*, 31.12.1939, s. 4. [Никифоров-Волгин, Василий. «Коллекция мистера Райта». *Сегодня*, 31.12.1939, с. 4].
- Nikiforov-Volgin, Vasiliy. «Polozheniye russkoy ueparkhii v Estonii. Beseda s arkhiyepiskopom narvskim i izborskim Yevseviyem.» *Vesti dnya*, 14.05.1927, s.2. [Никифоров-Волгин, Василий. «Положение русской епархии в Эстонии. Беседа с архиепископом нарв-

- ским и изборским Евсевием». *Вести дня*, 14.05. 1927, с.2], dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=vestidnja19270514. Доступ 2 24.09.2021.
- Nikiforov-Volgin, Vasilii. «*Veter*.» *Vesti dnya*, 23.06.1931, ss. 2-3. [Никифоров-Волгин, Василий. «*Ветер*.» *Вести дня*, 23.06. 1931, с.2-3], dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=vestidnja19310623. Доступ 24.09.2021.
- Nikiforov-Volgin, Vasilii. «*Vverkh po reke Narove*.» *Vesti dnya*, 21.06.1935, s. 2. [Никифоров-Волгин, Василий. «*Вверх по реке Нарове*.» *Вести дня*, 21.06.1935, с. 2], dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=vestidnja19350621. Доступ 24.09.2021.
- Nikiforov-Volgin, Vasilii. *Dorozhnyu posokh*. Russkaya kniga, 1992 [Никифоров-Волгин, Василий. *Дорожный посох*. Русская книга, 1992].
- Nikiforov-Volgin, Vasilii. *Zautrenya svyatiteley*. Glagoly zhizni. 1998. [Никифоров-Волгин, Василий. *Завтрашня святителей*. Глаголы жизни, 1998].
- Nikiforov-Volgin, Vasilii. *Zemlya-imeninnitsa*. Russkaya kniga, 1937. [Никифоров-Волгин, Василий. *Земля-имениница*. Русская книга, 1937].
- Pachmuss, Temira. *Russian literature in the Baltic between the world wars*. Slavica Publishers, 1988.
- Volgin, Vasilii. «*Episkop Palladiy*.» *Narvskiy listok*, 30.10. 1923, s. 3. [Волгин, Василий. «*Епископ Палладий*.» *Нарвский листок*, 30.10. 1923, с. 3], dspace.ut.ee/handle/10062/51803. Доступ 24.09.2021.
- Volgin, Vasilii. «*Mucheniki za veru*.» *Staryu Narvskiy Listok*, 12. 11. 1925, s. 1. [Волгин, Василий. «*Мученики за веру*.» *Старый Нарвский Листок*, 12. 11. 1925, с. 1], dspace.ut.ee/handle/10062/51509. Доступ 24.09.2021.
- Volgin, Vasilii. «*Pod nebom*.» *Narvskiy listok*, 10.11. 1923, s.2-3. [Волгин, Василий. «*Под небом*.» *Нарвский листок*. 10.11. 1923, с.2-3], dspace.ut.ee/handle/10062/51803. Доступ 24.09.2021.

ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАНСКУЮ ЦЕРКОВЬ XX ВЕКА В ИЗОБРАЖЕНИИ ВАСИЛИЯ АКИМОВИЧА НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Резюме

Два аспекта: мученичество и проповедь в условиях гонений и разрушение церковных ценностей – освещены в теме гонений на Церковь. Повесть Василия Акимовича Никифорова-Волгина *Дорожный посох* анализируется в контексте его ранних рассказов. Выявляется документальная основа повести, реконструируется история возникновения некоторых образов и эпизодов. Делается вывод об изменении стиля писателя.

Ключевые слова: Никифоров-Волгин; гонения на Церковь; мученичество и исповедание; разрушение церковных ценностей.

PRZEŚLADOWANIA KOŚCIOŁA CHRZEŚCIJAŃSKIEGO XX WIEKU W UJĘCIU VASILIYA AKIMOVICHA NIKIFOROVA-VOLGINA

Streszczenie

Dwa aspekty tematu: męczeństwo i kazanie w warunkach prześladowań i niszczenie wartości kościelnych – są wyróżnione w temacie prześladowań Kościoła. Fabuła powieści Vasiliya Aki-

movicha Nikiforova-Volgina «Personel podróžny» [*Dorozhnyy posokh*] jest analizowana w kontekście jego wcześniejszych opowiadań. Dokumentalną podstawą fabuły jest ustalona, zrekonstruowana historia powstania niektórych obrazów i epizodów. W konkluzji udokumentowano zmianę stylu pisarza.

Słowa kluczowe: Nikiforov Volgin; prześladowania Kościoła; męczeństwo i spowiedź; niszczenie wartości kościelnych.

THE PERSECUTION OF THE CHRISTIAN CHURCH OF THE 20TH CENTURY
IN THE WORKS OF VASILIIY AKIMOVICH NIKIFOROV-VOLGIN

S u m m a r y

The two aspects: the martyrdom and preaching in conditions of persecution and the destruction of Church values are highlighted in the topic of persecution of the Church. The story of Vasiliy Akimovich Nikiforov-Volgin «The Road Staff» [*Dorozhnyy posokh*] is analysed in the context of his early stories. The documentary basis of the story is revealed, the history of the emergence of some images and episodes is reconstructed. The conclusion is made about the change in the writer's style.

Keywords: Nikiforov-Volgin; persecution of the Church; martyrdom and confessionalism; destruction of Church values.